

Сердце
для невидимки

Светлана Любченец

Только для девочек

Светлана Лубенец

Сердце для невидимки

«Автор»

2007

Лубенец С. А.

Сердце для невидимки / С. А. Лубенец — «Автор»,
2007 — (Только для девочек)

ISBN 978-5-699-23195-9

Вот это новость: в школе проводится конкурс красоты! Девчонки бросились шить умопомрачительные платья, чтобы наповал сразить жюри, которое будет состоять только из мальчишек. Но Инна Самсонова не собирается участвовать: ведь она такая некрасивая... Вместо этого она пытается выведать, кто же послал ей записку «Ты мне нравишься. А.», вложив ее в пособие по математике... Или записка предназначалась вовсе не ей, а другой девчонке, красавице Дане, которая совсем недавно брала у нее это пособие? К тому же кто-то неизвестный испортил одно за другим три платья Даны. Инна собирается все это выяснить – а потому тоже готовит себе наряд к конкурсу. Там то она и постарается вывести злодея на чистую воду...

ISBN 978-5-699-23195-9

© Лубенец С. А., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Светлана Лубенец

Сердце для невидимки

Глава 1

«Я к вам пишу...»

Со вчерашнего дня ничего не изменилось. Как и с позавчерашнего, и с позапозавчерашнего. Инна хорошо понимала, что ЭТО не изменится никогда, но все же каждый день пристально разглядывала себя в зеркало. Конечно, разве может уменьшиться огромный нос? Увеличиться – это пожалуйста. А вот стать ни с того ни с сего меньше – вряд ли. В сравнении с замечательным украшением ее лица хуже дела, пожалуй, только у Буратино в компании с одним известным карликом. А глаза? Ну что за цвет у них – грязно-зеленый в бурюю точку! У всех девчонок в классе глаза как глаза: серые, голубые, карие. А у нее – нате вам: какая-то болотная жижа, а не цвет! И волосы... Ну почему у нее такие жидкие и тусклые волосы? Их даже до плеч отращивать не имеет смысла: станут висеть тонкими пегими прядями.

Инна давно поняла, что не красавица, но сейчас ощутила это особенно остро и больно. Дело в том, что в школе объявили подготовку к конкурсу красоты среди девочек восьмых-одинадцатых классов под названием «Школьная жемчужина». Конечно, она не будет в нем участвовать. Какой смысл? Но если честно, то ей очень хотелось бы.

Инна сбросила халатик, погасила свет и легла в постель. Сон не шел. Она попыталась представить себя на конкурсе в алом атласном платье с кринолином, в котором видела по телевизору новую мисс Вселенную. Нет... Пожалуй, это даже представить невозможно. К Иннинной-то почти мужской стрижке – и кринолин? Все равно, что к кроссовкам – декольтированное платье и шляпа с перьями. «Очень вредно не ездить на бал, когда ты этого заслуживаешь», – вспомнила она слова Золушки из замечательного старого фильма и подумала, что они как раз о ней. Вот бы Инне тетушку-фею, а в приятели того кудрявого мальчика из фильма, который учится быть волшебником! Она бы тогда... Нет! Хватит мечтать о том, чего никогда не может быть! Она живет не в сказочном королевстве, а в обыкновенном городе, и завтра ей придется вместо танцев с принцем на балу писать контрольную работу по алгебре.

– Спасибо, – небрежно бросила Инне Дана Язневич и сунула ей в руки пособие по математике, которое брала у нее для подготовки к контрольной.

– На здоровье! Не жалко, – Инна пожалала плечами в спину Язневич и проводила ее взглядом.

Вот она – та самая, которая считается первой красавицей их класса. Честно говоря, Дана ей не очень нравилась. У нее были небольшие и какие-то плоские темно-карие глаза. На круглом бледном лице они казались инородной, не очень удачной аппликацией. А ее губы, тонкие и слишком красные, напоминали Инне те длинные минусы, которые так любила использовать в своей практике географичка Анна Семеновна по прозвищу Недремлющее Око.

Но Дана с первого класса отличалась от всех девчонок. Ни у кого не было таких ярких школьных рюкзачков с десятками молний, накладных карманчиков и брелоков, как у нее. Никому мамы за все годы учебы так и не смогли завязать банты большего размера и более яркой расцветки. Только Язневич имела такое удивительное имя – Видана. Все знали, что оно составлено из первых букв имен ее родителей, Веры и Ивана, а также слова «дана» с ударением на последнем слоге. Получалось, что Видана была дана Вере и Ивану. Никто нигде и никогда не встречал больше таких удивительных имен.

Вот и сейчас только Дана имела набор французской косметики в белом кожаном футляре, от которого приходили в состояние полного отпада даже одиннадцатиклассницы. Только она одна из параллели восьмых классов ходила по школе в узких черных бриджах, наборенных по боковым швам, в обтягивающем красном свитерке, коротком и периодически обнажаю-

щем жемчужную бусинку пирсинга на пупке, и в туфлях с длинным, узким, загибающимся вверх носком. Любой другой девочке этот обнаженный пирсинг вышел бы боком, только не Дане, богатенький отец которой на благотворительных началах оснастил кабинет информатики новыми компьютерами. Собственно, она и пособие-то по алгебре брала напрасно: ни один учитель, исключая только уже упомянутую географичку, не посмел бы поставить Язневич «три», не говоря уже о «двойке».

Инна еще раз глянула вслед Дане и машинально, одним движением, пролистнула страницы пособия. Из его глубин вылетел, описал плавную дугу и приземлился у ее ног сложный пополам листок из тетради в клетку. Инна подняла его, развернула и прочла: «Ты мне нравишься. А.». У нее дрогнули руки, и листок опять упал к ногам. Инна еще раз подняла его, воровато оглянувшись по сторонам, быстро сунула записку в карман и пошла к кабинету математики.

Она села на свое место и достала тетрадь. По-прежнему дрожащие руки не слушались и никак не могли вырвать из нее двойной лист для контрольной. Инна испортила полтетради, а потом, сжимая в руках обрывки бумаги, погрузилась в тревожные и вместе с тем очень приятные размышления. Неужели это ей? Неужели она вместе со своим жутким носом кому-то понравилась? Вот так подарок! Такого не смогли бы ей сделать даже Золушкина фея со своим малолетним помощником-полуволшебником! Интересно, кто же этот «А.»? У них в классе трое мальчиков имели фамилии на «А»: Авдеенко Саша, Алейников Кирилл и Агеев Дима. Неужели это...

Инна уже хотела с чувством и толком перебрать претендентов по-одному, но весьма неприятная догадка заставила ее отказаться от этого столь сладкого занятия. Она вдруг вспомнила, что пособие ей отдала Дана. Наверняка, это ее записка. Конечно, чего ей ее беречь! У нее таких записок, скорее всего, тысячи. Одной больше, одной меньше – невелика потеря. А она-то, глупая, размечталась! Инна разочарованно усмехнулась, с удивлением оглядела гору рванных двойных листков и аккуратно, твердой рукой вырвала последний, оставшийся целым лист.

Говорят, если попросить человека не думать о белой обезьяне, то даже тот, кто никогда в жизни не загружал свой мозг размышлениями о человекообразных, начнет против своей воли думать только о ней. Такой обезьяной для Инны стала обнаруженная в пособии записка. Как ни заставляла она себя забыть про нее, мысли продолжали методично возвращаться к одноклассникам, которые могли бы подписаться буквой А.

В конце концов Инна решила, что не случится ничего плохого, если она попытается вычислить, кто из них прислал Язневич записку. Так, из чисто спортивного интереса...

Первым по списку идет Сашка Авдеенко. Дана, конечно, ему нравится, но, похоже, у него никакой надежды нет. Простоват Сашка для Язневич. Авдеевские кроссовки родной фирмы «Динамо» никогда не смогут ступить рядом с туфлями от... Инна призадумалась. Пожалуй, она не сможет назвать фирму, в обуви которой дефилирует по школе Данка. Она, эта навороченная фирма, не для простых людей со скромным достатком. Однако Сашка все же по двум параметрам годится в авторы записки: он ведь, кроме того, что Авдеенко, еще и Александр. То есть и имя у него на «А». Интересно, а мог ли Сашка обратить внимание на нее, Инну (если все-таки взять да и предположить, что записка написана ей, а не Дане)? Вряд ли... Никогда она не замечала за ним повышенного интереса к собственной персоне. Да разве только Авдеенко не балует ее вниманием? Инна мрачно усмехнулась. Она вообще никому не интересна. Ладно, не стоит сосредоточиваться на грустном.

Следующим по списку идет Алейников Кирилл. Еще в прошлом году все спокойно называли его Киркой. В этом году Алейников от всех потребовал, чтобы называли его только полным именем, и на «Кирку» принципиально не откликался. Собственно, кандидатуру Кирки Кирилла можно было и не рассматривать. Он был единственным парнем их 8 «Б», который терпеть не мог Язневич. В прошлом году он предлагал Данке свою дружбу, но она высмеяла его

прилюдно, предложив «сначала хоть немного подрасти». Тогда он действительно был ниже ее на целую голову. Теперь Кирилл ровно на столько же перерос Данку, но попыток подружиться с ней больше не предпринимал, так как, похоже, простить ей своего прошлогоднего позора не мог. Зато он мог бы заметить ее, Инну. Кирилл, еще будучи низкорослым Киркой, ей всегда нравился, может быть, потому, что отличался от всех. Единственный в классе, он носил не стрижку, а волосы до плеч. Он гладко зачесывал их назад и заправлял за уши. Кончики волос, которые сзади спадали на джинсовку, закручивались в колечки, и на висках и лбу Кирки тоже слегка кудрявились прозрачные прядки. Инна снова усмехнулась, но уже не мрачно, а печально, понимая всю несостоятельность своих мечтаний об Алейникове.

Агеев Дмитрий? Что ж, он вполне мог написать записку Данке, а вот Инне – никогда. Они были врагами еще с пятого класса, когда сидели за одной партой, – из-за какого-то пустяка они разодрались, и победителем нехстати оказалась Инна. Их рассадили подальше друг от друга в разные места и даже на разные колонки, и с тех пор Агеев так же ненавидел Инну, как Алейников – Видану Язневич.

Еще в 8 «Б» есть два парня, у которых имена начинаются на «А»: Перепелкин Андрей и Яковлев Артем. Последнего Инна сразу отмела: не годится он в авторы записки ни Дане, ни ей. У него в самом разгаре недавно завязавшийся роман со Светой Петровой, и до других девочек ему нынче нет никакого дела. Теперь Перепелкин Андрей, конечно, по примеру многих, очарован богатенькой Язневич, и никогда он без надобности дольше секунды не смотрел на Инну Самсонову. Это ее ничуть не огорчало, поскольку у нее самой Андрей не вызывал никаких эмоций. Одноклассник как одноклассник – и ничего более.

Так что по всему выходило, что тот, кто никогда бы не написал записку Данке, больше всего был симпатичен Инне. Вместо радости этот вывод окончательно поверг ее в уныние. Никогда Алейникову не сможет понравиться ее нос. У него-то самого он вон какой: ровный, прямой и весьма умеренной длины.

Глава 2

Обойдемся без противогаза!

Каждый класс на школьный конкурс красоты должен был выдвинуть из своего коллектива одну самую достойную девушку. Ольга Ивановна, классная руководительница 8 «Б», предложила провести свой, местного значения, конкурс, в котором примут участие абсолютно все их девчонки. Призовых мест будет три. Для обладательницы первого места призом станет участие в школьном конкурсе, а двум другим девочкам вручат подарки, на которые еще с прошлого года остались деньги в общей кассе, организованной родительским комитетом.

У Инны от страха сразу сместилось со своего места сердце и, похоже, стало биться в абсолютно неполюженном ему месте. Ей совершенно не хотелось оказаться самой страшной из конкурсанток. Ведь если она выйдет демонстрировать себя среди одноклассниц с нормальными носами и глазами традиционного глазного цвета, то даже те, которым не было до нее дела, вынуждены будут приглядеться и ужаснутся ее уродству. Она не успела еще придумать, каким образом попримечнее, не привлекая к себе особого внимания, отказаться от участия в конкурсе, как ее самая близкая подруга Лида Логинова сказала:

– По-моему, все это не имеет смысла. Победит все равно Язневич. Не надо и огород городить.

– Это еще неизвестно, – отозвалась классная руководительница.

Инна осторожно глянула на Данку. Та сидела полная такого достоинства и спокойствия, что было ясно – она нисколько не сомневается в собственной победе.

– А кто будет в жюри? – спросила Света Петрова.

– Я думаю, наши мальчишки, – ответила учительница. – А мой голос пригодится для того, чтобы в случае необходимости разрешить спорную ситуацию.

– Ну, я же говорила! – рассмеялась Логинова. – Наши мальчишки, – и она с презрением обвела их глазами, – как один проголосуют за Данку. Так что, Ольга Ивановна, записывайте сразу ее, чтобы мы зря и не надеялись.

– А мы сделаем так, что никто не догадается, где Дана, а где, например, ты, Лида! – хитро улыбнулась Ольга Ивановна.

– И как это? – все еще недовольным тоном спросила Логинова.

– Этот вопрос предлагаю обсудить с девочками отдельно, а мальчиков давайте отпустим по домам. Надеюсь, возражений не будет?

Возражений, конечно же, не было.

Когда мальчишки покинули территорию, Ольга Ивановна предложила костюмы готовить всем вместе в классе, а выступать – в масках с полностью закрытым лицом.

– Ничего себе конкурс красоты – с закрытым лицом? – усмехнулась Язневич. – Может, нам вместо масок лучше противогазы надеть? В кабинете ОБЖ этого добра полно!

– Напрасно иронизируешь, Дана, – недовольно покачала головой учительница. – Мне хочется справедливости и непредвзятости. Все знают, что ты можешь позволить себе платье от великих кутюрье, и уже только оно одно произведет фурор. А что прикажешь делать остальным девочкам – локти кусать, оттого что их родители менее материально обеспечены, чем твои?

– И что вы мне предлагаете? В половую тряпку завернуться, чтобы всем угодить? – с вызовом выкрикнула Дана.

– Зачем же такие крайности? – спокойно отреагировала Ольга Ивановна. – Я предлагаю собрать деньги, купить разноцветного дешевого ситца или марлевки и под руководством вашей учительницы труда сшить всем интересные, нетрадиционные наряды.

– Ага! И в этом ситце соревноваться на школьном конкурсе с одиннадцатиклассницами, которые разоденутся в пух и перья? – не унималась Язневич.

– До школьного конкурса еще надо дожить. Условий пока не объявляли, поэтому о нем будем думать после. Но тебе, Дана, если ты так уверена в себе, никто не мешает начинать шить умопомрачительное платье прямо хоть для «Петербургской жемчужины».

– Какими бы масками или противогазами мы ни прикрывались, все равно мальчишки узнают нас по голосу, – заметила Лида.

– Я все продумала, – ответила ей Ольга Ивановна. – Сначала пройдет большая часть состязаний, где голос совершенно не нужен. Это могут быть конкурсы платьев, масок, танца, быстрого приготовления сладкого блюда. Или сервировки стола, или еще какой-нибудь другой. Ребята будут сдавать свои листочки с баллами за каждый конкурс отдельно, чтобы исключить последующие исправления. И после этой, анонимной, части «Жемчужины 8 «Б» определятся победительницы. Последним предлагаю провести конкурс, где девочки расскажут что-нибудь о себе, уже сняв маски. Можно, конечно, придумать и что-то другое. Это пока только, как говорят, «рыба». То есть, план, наметки. Вы все можете предложить что-нибудь свое.

Девочки еще пошумели, обсуждая план Ольги Ивановны, высказав варианты проведения конкурса своего 8 «Б». Но потом все пришли к выводу, что предложения классной руководительницы самые удачные и подлежат лишь самой незначительной корректировке.

Инна тайком наблюдала за Язневич, которая демонстративно смотрела в окно, не принимая участия в обсуждении. Инне казалось, что Дана с минуты на минуту вскочит со своего места и вообще откажется принимать участие в конкурсе, но та молча просидела все собрание до конца. Скорее всего, она, хоть и презирала всякие там ситцы с масками, победить хотела и на этих условиях.

Домой Инна шла возбужденная и растревоженная. Она не могла представить, как будет танцевать одна перед всем классом. Да у нее просто не хватит смелости! Она растеряется и перепутает все фигуры. Но если она даже сможет взять себя в руки и все у нее получится лучше всех, то последний конкурс со снятой маской перечеркнет достигнутое. В конкурсе КРАСОТЫ она, носатая, с болотного цвета глазами, Инна Самсонова, победить не может.

Глава 3

Трудный выбор

На следующий день в школе вывесили наконец долгожданное объявление о том, что конкурс «Школьная жемчужина» состоится в канун Нового года, 25 декабря. Девочки восьмых – одиннадцатых классов должны будут, помимо своей неземной красоты, продемонстрировать еще и собственноручно сшитое платье, исполнить песню, танец и подготовить себе рекламное выступление на английском языке. Зрителям обещали, что они тоже будут при деле, так как смогут путем тайного голосования выбрать «Мисс зрительских симпатий».

Инна Самсонова очень внимательно прочитала объявление до последней буквы «ы» в подписи «Администрация школы» и, вместо того чтобы обрадоваться, огорчилась окончательно. Исходя из условий школьного конкурса, на «Жемчужине» своего класса девчонкам придется еще и петь. Это было уже свыше Инниных сил. Станцевать она, может, как-нибудь и умудрится, а вот спеть... Последний раз она пела соло в средней группе детского сада знаменитую песню про день рожденья, который, к сожалению, только раз в году. И то, кажется, всего один куплет – тот, что про бесплатное кино и эскимо... Так что, дело ясное, надо отказываться. На почетное звание «Школьной жемчужины» она не претендует, поэтому ей совершенно не обязательно позориться перед своими одноклассниками. Принятое решение окончательно успокоило Инну, и она с самым независимым видом пошла на литературу.

На четвертом этаже одноклассницы Инны сбились в стайку у окна напротив кабинета русского языка. У соседнего окна с отрешенным лицом стояла в полном одиночестве Видана Язневич. Инна поколебалась немного и выбрала окно с Язневич.

– И чего это мы такие мрачные? – спросила она Дану.

– Да на наших девчонок смешно смотреть! Абсолютно помешались на конкурсе красоты. А ты глянь хотя бы на Мамаеву! Тоже мне – «жемчужина»!

Инна послушно посмотрела на Тоню Мамаеву, хотя и так прекрасно знала, что она собой представляет. Она, Инна, даже со своим буратиным носом и глазами цвета болотной тины, все-таки имеет шанс хотя бы на предпоследнее место в «Жемчужине 8 «Б», а вот Тонька...

Антонина Мамаева была здоровой, высокой и неуклюжей девчонкой, которая, продвигаясь в классе вдоль рядов, вечно сбивала с парт учебники и тетради, а если пыталась их поднять, то непременно въезжала локтем кому-нибудь в лицо. Поговорка времен татаро-монгольского ига «Будто Мамай прошел...» придумывалась, очевидно, и в расчете на возможное появление в 8 «Б» Тони Мамаевой. В этом году она, правда, несколько постройнела и даже приобрела некоторую уверенность в движениях, если не сказать своеобразную грациозность, но все равно при ее приближении одноклассники старались на всякий случай обеими руками придерживать учебники на краю своей парты.

У Тоньки-Мамая были прямые жесткие волосы соломенного цвета, остриженные по плечи. Ровно один день после парикмахерской они еще напоминали заказанную Антониной прическу «каре», а потом непослушные жесткие пряди разъезжались в стороны, и казалось, будто на голову Мамаевой надет небольшой соломенный шалаш. Из него клювиком выглядывал остренький носик и периодически показывались очень крупные и пухлые губы. Между собой девчонки называли Тоньку Страшилой, но не со зла, а потому что она очень напоминала одноименного и весьма симпатичного героя из знаменитой сказки про Изумрудный город.

– Я, знаешь, тоже не лучше, – самокритично заметила Инна.

Язневич внимательно оглядела ее, будто видела впервые, и помотала головой:

– Не скажи... В тебе изюминка есть...

– Да? – удивилась Инна и тут же добавила: – У меня даже не изюминка, а... целая груша, которую нельзя скушать...

– Ты про что? – вскинула тонкие бровки Дана.

– Будто не знаешь? – почему-то рассердилась на Язневич Инна и перешла от нее в компанию у соседнего окна.

– А я считаю, что все должны быть в равных условиях! – горячилась Лида Логинова. – Ткань у всех должна быть одна! Ольга Ивановна говорила же: соберем деньги и купим всем одинаковую!

– Нельзя, чтобы была одна ткань!

– Ольга Ивановна такого не говорила!

– Конечно, не говорила!

– Мне, к примеру, желтый не идет.

– А мне – синий.

– А мне нельзя с крупным рисунком – он меня полнит!

– А я не люблю цветочки!..

Девчонки наступили на Лиду.

– Тогда будет несправедливо! – не соглашалась Логинова. – Кто-нибудь купит себе такую навороченную ткань, что другим сразу и соревноваться расхочется. Как ты думаешь, Инка? – заметила она подошедшую Самсонову.

– Я думаю, Лида, что девчонки справедливо возмущаются. Должна быть хоть какая-то свобода для творчества. Заодно, кстати, выяснится, у кого лучше вкус. Мы ведь договорились покупать самую дешевую ткань. А значит, ни с расцветкой особо не разбежишься, ни с фактурой.

– Ну, хорошо, – нехотя согласилась Логинова. – Пусть каждый сам выбирает себе ткань в пределах обозначенной суммы, а фасоны, я думаю, все же надо обговорить.

– Здрасте-пожалуйста! – возмутилась Алена Глазкова, вторая по красоте девочка 8 «Б» после Виданы Язневич. – С какой это стати? Ольга Ивановна говорила как раз обратное! Что же это за конкурс платьев, если и ткани одинаковые, и фасоны? Ты уж совсем ничего не сообщаешь, Логинова!

Прозвенел звонок на урок, и девочки, нехотя оторвавшись от обсуждения самой животрепещущей на сегодняшний день темы, отправились на литературу.

– Знаешь, Инна, – ткнула Самсонову в бок Лида. – У меня, пожалуй, нет никаких шансов! Мне ни за что не придумать фасон. Ну... не умею я... Я вообще платьев не ношу. Только джинсы да футболки с джемперами. Может, поможешь мне что-нибудь придумать?

– Да я тоже в этом не очень разбираюсь. Последнее платье у меня было, кажется, в третьем классе: на выпускном утреннике при переходе в среднюю школу. Беленькое такое, с розовенькими бантиками по подолу. Но придумать что-нибудь, мне кажется, даже будет интересно! А может, в журналах чего подберем... – ответила ей Инна, тоже предпочитавшая джинсы. При чем она напрочь забыла, что пять минут назад окончательно и бесповоротно решила вообще не принимать участия в конкурсе.

После уроков Инна с Лидой Логиновой отправились в соседний магазин «Ткани» и проторчали перед стойками и прилавками часа два. Чего там только не было: и шелка всевозможных цветов и степеней прозрачности, и муары, и вуали, и шифоны, и совершенно необыкновенные ткани с невозможными для произношения названиями. Больше всего Инну поразила нежно-лимонная прозрачная органза с золотистыми прожилками.

Она тут же представила себя в длинном платье из этой органзы, с королевским стоячим воротником и со шлейфом, который поддерживали бы по два бородатых карлика с каждой стороны. Почему именно карлика, Инна затруднилась бы ответить, но она видела их, как живых, –

в малиновых бархатных камзолах, лаковых черных туфлях с золотыми пряжками и островерхих шапках с блестящими плюмажами.

– Хорош мечтать! – рявкнула ей в ухо Логинова. – Пошли к нашим тряпкам.

«Наши тряпки» занимали небольшой закуток и назывались весьма скучно, зато очень легко для произношения: ситец, сатин, фланель, бязь простынная. Исключение составляло полотно полотенежное, но это название даже читать не стоило, поскольку на платье данный материал никак не годился. Расцветки «наших тряпок» были соответствующие: однотонные блекло-сиреневые или грязно-розовые, набивные, – в невыразительную клеточку, с полосочками или, наоборот, необыкновенно выразительно усыпанные желтыми утятами и красносиними мячиками.

– Да-а-а, – огорчилась Логинова. – Ну-ка представь меня в мячиках!

– А что? Оригинально! – улыбнулась Инна. – И, главное, ни у кого такого не будет!

– Ага, просто замечательно. Тогда уж лучше ничего не покупать и не шить. У моей мамы есть ночная рубашка в зайчиках и морковках. Она мне по длине как платье будет. Надену – и первое место, пожалуй, в кармане!

Самсонова сначала представила Лиду в зайчиках с морковками, потом – как разбегаются от нее в ужасе карлики в камзолах, теряя островерхие шапки и путаясь в длинных бородах, и рассмеялась на весь магазин. Закрыв рот обеими руками, она подошла к стойке, на которой с одной стороны висели негнущиеся сатины темных похоронных цветов, а с другой – пестренькие цветастые ситчики. Среди них Инна заметила наконец нечто, достойное внимания.

– Лид! Быстро сюда! – крикнула она подруге.

– Ну и что ты в этом нашла? – удивилась Логинова, брезгливо ощупывая черный ситец в мелкий розовый цветочек с крошечными зелеными листочками. – Его хорошо старушке на передник, а не на бальное платье.

– А ты посмотри, сколько вариантов: и розовые цветочки, и желтые, и красные, и даже оранжевые. Ой, а вот тут, гляди, белые и сиреневые! Если их как-нибудь скомпоновать поинтереснее...

– Да ну-у-у, – недовольно протянула Лида. – Во-первых, мне ни за что не догадаться, как это сделать, во-вторых, не можем же мы выступить в одинаковых платьях!

– Верно, не можем, – огорченно согласилась Инна и еще раз решила пройтись вдоль развешанных тканей. Чтобы ненароком не пропустить чего-нибудь интересного, она внимательно оглядела даже все варианты полотна полотенежного и бязи простынной и... именно там наконец нашла кое-что подходящее.

– Лида! Смотри-ка, что я отыскала! Вот – ткань простынная...

– Ну, ты даешь! Дома у нас и так простыней навалом.

– Да ты посмотри, какая тонкая ткань! Это не бязь, а что-то с синтетикой, значит, не будет сильно мяться. А цвет! Ты посмотри только, какой цвет – небесно-голубой, прямо к твоим глазам!

– Ты думаешь? – недоверчиво посмотрела на подругу Логинова, смяла в кулаке край материи и тут же отпустила его. Голубой комок мгновенно расправился, распрямился, а когда Инна еще и встряхнула ткань, то та оказалась первородно гладкой.

– Ну что? Берем? – спросила Лиду Инна.

– И тебе тоже? – потупила глаза Логинова.

– Нет, это тебе. А я потом куплю, когда рассчитаю, сколько нужно кусков того ситца в разноцветный цветочек.

– А шить как будешь?

– Ольга Ивановна обещала же нам помощь трудовички. Забыла, что ли? А фасоны из «Бурды» подберем. У меня этих журналов видимо-невидимо! Они, правда, старые, но это даже

лучше: никто не догадается, откуда мы свои платья взяли. – Она еще раз заглянула в глаза подруге: – Ну, так что? Берем голубую ткань?

– Только под твою ответственность! – согласилась осторожная Логинова.

Глава 4

Полезные ископаемые против бального платья

– Безобразие! – возмутилась в 8 «Б» географичка Анна Семеновна по прозвищу Недремлющее Око. – Превратили среднюю школу в школу моделей! Про учебу все и думать забыли – одни прически и походки «от бедра» на уме! Я вот сейчас проведу «кастинг» по знаниям полезных ископаемых. Кто его не пройдет, имейте в виду, не увидит этой «Жемчужины» как своих ушей! И на педсовете я поставлю вопрос ребром: кто имеет «двойки» и даже «тройки», не имеет никакого права крутить хвостом на конкурсе. Думаю, это справедливо.

– Нет, несправедливо! – тут же возмутилась Алена Глазкова. – Красавицам вовсе не обязательно знать вашу географию на «пять» и «четыре».

– Это Мамаевой можно обойтись без географии! – безапелляционно заявила Недремлющее Око. – А красавицам просто необходимо ее знать, чтобы мимо Голливуда случайно не проехать.

– Они не проедут, потому как полетят на «Боинге» с секьюрити, массажистками, маникюршами и другими сопровождающими лицами, – заметил Кирилл Алейников.

– Я просто поражаюсь, какие слова знают нынешние молодые люди – секьюрити, маникюрши... В мое время мальчики и выговорить бы этого не сумели! Штанга, бокс – вот настоящие мужские слова. А тебе, Глазкова, хочу заметить, что красота, как, впрочем, и молодость, – явление проходящее. Боюсь, что добираться обратно из Голливуда уже придется без «Боинга», – не собиралась сдаваться пятидесятилетняя Анна Семеновна. И по ее несколько попорченному времени и тяжелой работой лицу было видно, как она сочувствует несчастным красавицам, которые по глупости и некоторой недоразвитости сомневаются в этом. Она снисходительно оглядела неприлично молодой 8 «Б» и добавила: – Так что прошу для «кастинга» по полезным ископаемым приготовить двойные листы.

Инна вспомнила, как недавно уродовала тетрадь по математике, выдирая листы для контрольной работы по алгебре, и опять подумала о записке с подписью «А.». Она посмотрела на Кирилла. Он что-то писал, склонившись к самому столу, хотя команды «на старт – внимание – марш» еще не было. Кирилл, почувствовав взгляд, обернулся, но, обнаружив, что именно она смотрит на него, снова уткнулся в свою писанину. Инна вздохнула, разгладила перед собой листок и погрузилась в тяжкие думы о полезных ископаемых.

Где-то в середине урока сидящая за Инной Алена Глазкова, толкнув ее в спину, впихнула ей куда-то под мышку записку и прошептала: «Передай дальше». Инна вытащила из-под руки бумажку. На ней сверху было написано одно слово – «Язневич». Инне очень хотелось развернуть записку и прочитать, но она не смела и глупо таращилась на сложенный в маленький квадратик листок бумаги. Когда она все-таки решилась передать записку дальше, Антонине Мамаевой, Недремлющее Око, как всегда, в очередной раз оправдав свое прозвище, незамедлительно оказалась рядом и ястребиными когтями выхватила из ее рук добычу.

– Та-ак! Поглядим, насколько грамотно нынче подсказывают! – заявила она, разворачивая записку. По мере чтения лицо географички вытягивалось и из ядовитого превращалось в виновато-брезгливое. – Мда-а, я как-то не подумала, что это послание может быть личным и к тому же таким отвратительным. Я же говорила, что конкурс красоты пробудит в вас самые низменные инстинкты, и была права! Потом администрация еще пожалеет, что меня не слушала! – Анна Семеновна смяла записку и бросила ее в мусорную корзину под своим столом. – Так! – хлопнула она в ладоши. – Не расслабляемся! До конца урока осталось пятнадцать минут.

В конце урока Инна совершенно забыла об инциденте с запиской, поскольку чувствовала, что не успевает достойно изложить свои глубочайшие знания по означенной в контрольной

теме. Она очень удивилась, когда ее подруга Лида, отдав Недремлющему Оку свою работу, зачем-то резко склонилась над урной и что-то быстро оттуда выхватила. Инна удивилась еще больше, когда Логинова, дождавшись ее в коридоре, вдруг потащила ее в туалет для девочек, молча и грубо втолкнула в единственную кабинку и зашуршала перед ее носом какой-то смятой бумажонкой весьма непрезентабельного вида. Лида пошевелила губами, читая про себя записку, а потом трагическим шепотом объявила Инне:

– Все... У нас в классе завелись интриганы... Как это ни прискорбно осознавать, но кое в чем Недремлющее Око права.

Инна скромно молчала, ожидая продолжения, и оно незамедлительно последовало:

– Ты только послушай, что здесь написано: «Все равно не победишь! Папочка не поможет! Тухлыми яйцами забрасаем!»

Поскольку у Самсоновой, еще глубоко погруженной в полезные ископаемые, ничего не отразилось на лице, Лида Логинова вынуждена была как следует потряхнуть подругу за свитер, чтобы та быстрее въехала в суть вопроса.

– Ты что, не понимаешь, что Данке угрожают?

– Да, ты права, – очнулась наконец Инна. – Гады какие! Данка еще ничего не сделала, а ей уже угрожают... Как ты думаешь, чьих это рук дело?

Логинова открыла дверку кабины, окинула взглядом собравшуюся в туалете мелкоту и, удостоверившись, что им по малолетству нет дела до «Школьной жемчужины», вновь щелкнула внутренней дверной задвижкой и продолжила:

– Версий у меня пока три. Первая: это сделал Алейников по причине всем известной ненависти к Язневич. Вторая: автор записки – Глазкова, которая спит и видит себя в короне школьной красавицы. Третья: все остальные.

– Особенно мне нравится последняя версия, – иронично заметила Самсонова. – Большой простор для следствия и воображения. Надеюсь, хотя бы нас с тобой ты исключает?

Логинова подозрительно оглядела подругу, шмыгнула носом и заявила:

– Честно говоря, если бы я тебя не знала с ясельного возраста, то тоже не исключила бы.

– Спасибо и на этом, – Инна щелкнула задвижкой, вышла из кабинки и, не глядя на Логинову, направилась на первый этаж, в кабинет труда девочек.

– Я тебе скажу, что ты совершенно напрасно обиделась! – виновато бубнила Инне Лида, раскладывая на столе рядом с подругой принадлежности для урока труда. – Я просто стараюсь сохранять беспристрастность.

– Ну и продолжай сохранять. Кто тебе мешает? – Инна отодвинулась от Логиновой на другой край стола.

Лида подтянула свои манатки поближе к Инне и снова принялась оправдываться:

– Не понимаю, чего ты злишься? Я же тебя ни в чем не обвиняю.

– Еще не хватало! А я не понимаю, чего ты так беспокоишься о Данке? По-моему, тебе совсем недавно тоже очень не хотелось, чтобы на «Школьную жемчужину» выбрали Язневич. Еще с Ольгой Ивановной пререкалась зачем-то.

– Ты не понимаешь... Уже началось... – прошептала ей в ухо Логинова.

– Что началось? – отшатнулась от нее Инна.

– Жесткая конкуренция. Вот увидишь, свалят Данку, за других примутся. Кто-то хочет провести свою претендентку или...

– Или что?

– Или... автор записки сама – девушка не промах.

– Совсем с ума сошла, – Инна покрутила пальцем у виска. – Это ж тебе не выборы президента или губернатора!

– Ничего не сошла! Кандидаток на звание первой красавицы нашей школы побольше будет, чем на президентский или губернаторский пост. Ты только посчитай, сколько девчонок учится у нас с восьмого по одиннадцатый классы!

Инна не успела это сделать, поскольку раздался голос учительницы труда Татьяны Васильевны:

– Самсонова! Логинова! О чем вы так напряженно спорите? Вы что, звонка не слышали? Девочки тут же молча уселись на свои места.

Урок труда был посвящен обсуждению платьев, которые предстоит сшить для конкурса красоты. Прежде всего восьмиклассницы достали купленные накануне ткани. Кабинет тут же расцвел, как сад, от обилия разнообразных расцветок. У большинства девочек ткани были однотонными, потому что именно такими они видели шикарные бальные платья в кино и телевизионных передачах. Только перед Инной лежала небольшая стопка кусков ситца с цветочками разного цвета.

Самая красивая ткань, как всегда, оказалась все-таки у Даны Язневич: нежно-лиловая и вся в дырочках, обшитых по краю блестящей ниткой в тон.

– Конечно, папочка где-то достал... за бешеные деньги...

Инна не поняла, кто это сказал, но в классе тут же стих веселый гул и лица всех девочек обратились к Татьяне Васильевне.

Учительница подошла к Данае, которая мрачно молчала, скрестив руки на груди.

– Вы возводите на Язневич напраслину, – заявила Татьяна Васильевна, пристально разглядывая ткань. – Это обыкновенный хлопчатобумажный штапель, только с любовью отделанный. Если кто-нибудь еще хочет такие дырочки, я вам покажу, как обметывать их на машинке. Ничего сложного: как петли для пуговиц. Весь наряд, конечно, замучаешься продырявливать, а отделку такую вполне можно сделать.

– Ой! Смотрите, что Мамай принесла! – засмеялась Света Петрова. – Это ж только на младенческие пеленки да подгузники годится – фланель байковая! Ну, ненормальная!

Восьмиклассницы, тут же забыв про Язневич, окружили Страшилу. Перед ней действительно лежала светло-желтая, слегка ворсистая фланель. Инна видела такую в том магазине, где они выбрали ткань для себя.

– Да-а-а, – протянула Логинова. – И расцветка подходящая, – как говорится, цвет детской неожиданности. Лучше бы ты, Тонька, в мячиках взяла или хотя бы в утятах. Они же рядом висели. Мы с Инкой видели.

Тоня в полном огорчении совсем спрятала лицо в соломенный шалашик своих волос и нахохлилась, как воробей под дождем. Учительница, раздвинув девчонок, взяла в руки Мамаевскую фланель, осмотрела ее с таким же вниманием, как штапель Язневич, и заключила:

– Не расстраивайся, Антонина! Они тебе еще завидовать будут! Когда фланель постирывается, она действительно делается страшненькой: ворс скатывается и цвет становится грязным. А пока... вы только посмотрите, – она повесила ткань себе на руку и повернула к свету, – как золотятся ворсинки. Мы тебе, Мамаева, такое золотое платье отгрохаем, никто и не поверит, что оно всего лишь из жалкой фланели! Только работать придется аккуратно, чтобы не пришлось стирать.

Довольная Тонька вылезла из своего шалаша и с благодарностью посмотрела на учительницу.

Оставшуюся часть урока девочки снимали друг с друга мерки, а как только прозвенел звонок, помчались в столовую. Кабинет труда находился с ней рядом, и у них была надежда первыми занять очередь в буфет.

Со звонком на урок Инна с Лидой подошли к кабинету самыми последними. Из-за дверей не раздавалось ни звука. Татьяна Васильевна очень не любила, когда на ее урок опаздывают, и девочки с самыми виноватыми лицами вдвоем одновременно протиснулись в дверь кабинета.

Никто на них не обратил внимания. Более того, никто даже не повернул к опоздавшим головы. Одноклассницы во главе с учительницей молча стояли вокруг стола Виданы Язневич. Инна с Лидой подошли поближе, и Логинова ахнула так громко, что все тут же заметили ее присутствие.

– Кто это сделал? – спросила она, расширившимися от ужаса глазами оглядывая нежно-лиловую ткань Даны. Она была расстелена по столу, и через все ее поле красным ядовитым маркером огромными кривыми буквами кто-то вывел: «И не надейся!»

– Пожалуй, ткань не спасти, – не отвечая на вопрос Лиды, сказала учительница. – Она все-таки дешевая, и если стирать, то, во-первых, сядет, во-вторых, потеряет цвет, в-третьих...

Она не успела договорить, потому что бледная Дана сгребла ткань в безобразный комок и бросилась к мусорной корзине. Пока она яростно запихивала материал в эту небольшую емкость, никто не проронил ни звука. Только Лида весьма выразительно посмотрела на свою подругу Инну Самсонову, как бы говоря ей взглядом: «Вот видишь! Я была права!»

Глава 5

Модильяни приходит на помощь

После последнего урока Логинова моментально убежала из школы, поскольку у нее был талон к зубному врачу, а Инна пошла в библиотеку, как и обещала классной руководительнице. Весь 8 «Б» по очереди отбывал там повинность по подклейке разваливающихся учебников, и пришел как раз Иннин черед.

Кроме еще парочки девчонок из параллельных восьмых она увидела там своего врага – Дмитрия Агеева, что было, в общем-то, неудивительно. Димка приходился библиотекарше не кем иным, как родным сыном, и довольно часто делал уроки под ее строгим родительским надзором.

Инна, не обращая на него никакого внимания, сразу прошла в конец библиотеки, где, как она знала, на столе разложены драные учебники и приготовлен материал для работы. Она успела заклеить бумажным скотчем только одну страницу учебника литературы для девятого класса, как на стул рядом с ней вдруг взял да и подсел Агеев.

– Что надо? – напряглась Инна, ожидая от него какой-нибудь гадости и одновременно удивляясь, как он может столько лет помнить об их младенческой драке.

– Говорят, Самсонова, сегодня у вас на труде произошло ЧП? – спросил он и сунул в рот кончик карандаша, который держал в руке.

– И кто же это говорит? – Инна удивилась скорости, с какой неприятное известие долетело до мужской части класса.

– Да вся школа уже в курсе.

– Не может быть! – еще больше удивилась Инна. – Дело-то всего лишь на прошлой перемене произошло. Врешь ты все, Агеев!

– Дуры вы, девчонки, – проигнорировал обвинение во вранье Димка. – Крыши у вас совсем набекрень съехали с этой «Жемчужиной».

– Тебе-то что за дело! – раздраженно бросила ему Инна и вновь принялась заклеивать учебник.

– Вообще-то, никакого. Жаль вас просто!

– С чего тебя так разжалобило, интересно?

– Неужели вы всерьез надеетесь переиграть одиннадцатиклассниц? Там такие девушки – просто модели. Куда вам до них!

– Я, конечно, точно не знаю, – ответила Инна, – но думаю, что возрастную категорию как-нибудь учтут, иначе, ты прав, соревноваться бесполезно и глупо.

Димка, по всей видимости, не ожидал, что она так скоро согласится с ним, и решил вернуться к предыдущему вопросу:

– А как ты думаешь, Самсонова, кто Данке такую подлянку устроил?

– Не знаю. Какой-то бессердечный человек.

– Железный Дровосек... – лениво проронил Агеев.

– Почему дровосек? – оторвалась от учебника Инна.

– Ну, как же! Помнишь, именно у Железного Дровосека не было сердца, а Гудвин ему потом вставил заменитель из какой-то тряпки.

– Тот сказочный Железный Дровосек был и без сердца добрым!

– А наш, стало быть, из настоящего железа.

– Слушай, Агеев, ты, может быть, что-то знаешь? Так лучше скажи, нечего тут из себя посвященного в тайны корчить.

– Ничего я не знаю. Так только – ассоциации...

– А еще каких-нибудь ассоциаций у тебя нет? Какой такой Дровосек может навредить в кабинете труда девочек? Может, скорее Дровосечиха?

– Не исключено, – согласился Димка. – А, кроме ассоциаций, у меня еще есть интуиция. И она подсказывает мне, что это только начало.

– И ты туда же! Прямо как Логинова! Тоже считаешь, что кто-то хочет протолкнуть свою претендентку?

– Не исключено, – еще раз повторил Агеев и вдруг улыбнулся. – А хочешь, Самсонова, сколотим тебе группу поддержки, и приз зрительских симпатий будет наш!

– С моим-то носом, – не смогла удержаться Инна.

– А что с твоим носом? – удивился Димка.

Отступать было некуда, и Инна, резко дернув ленту скотча, отчаянно выплеснула на Агеева горькую чашу своего комплекса:

– Это же не нос! Это же просто... топор Железного Дровосека!

– Чего-чего? – расхохотался Димка. – Придумала тоже... Нос как нос.

– Ты специально так говоришь, я знаю. И про группу поддержки специально. Чтобы мне досадить!

– Делать, что ли, мне больше нечего?

– Видимо, нечего... Ты вот скажи, сколько можно на меня злиться?

– С чего ты взяла, что я на тебя злюсь?

– Скажешь, забыл ту драку?

– Какую? – почему-то испуганно спросил Агеев.

– Ну, ты артист! Такую, в пятом классе... Нас еще сразу рассадили в разные места.

Неужели будешь утверждать, что не помнишь?

– Да... вроде, было что-то такое... Я и забыл совсем.

Инна недоверчиво посмотрела на него:

– Не может быть...

– Точно. И нос у тебя нормальный. Даже лучше, чем нормальный, – греческий!

– Это как?

– Прямой. Классический. Есть, конечно, – Димка беззастенчиво развернул за подбородок лицо Инны, чтобы лучше видеть его в профиль, – небольшая горбинка, но это тоже классика... Портрет Ахматовой видела? У нее точь-в-точь такая же.

– Так Ахматова ж старая, – проронила Инна.

– Это она потом стала старая, а сначала была молодая. Меня мамаша тоже без конца напрягает книги подклеивать, так вот я вчера как раз Ахматову клеил. Погоди, сейчас принесу!

Димка сорвался с места и через несколько минут плюхнулся на стол перед Инной пухлый, затрепанный томик стихов.

– Вот, гляди! – и он ткнул пальцем в портрет молодой женщины с тяжелой челкой до бровей и с носом, действительно имеющим вполне приличную горбинку.

– Ну и что? – не сдавалась Инна. – Все не значит, что это красиво!

– Что бы ты понимала! Ее, между прочим, сам Модильяни рисовал! А он кого попало рисовать бы не стал.

– А кто такой Модильяни? – осторожно спросила Инна.

– Модильяни-то? Художник! Не веришь? Пожалуйста! Открываем страницу пятьдесят четыре – она вчера еще была вырвана почти с мясом, но я подклеил, – и что мы видим? Видим портрет. Теперь читаем подпись под ним: «Амедео Модильяни. Анна Ахматова». Вот!

Инна взгляделась в портрет полулежащей женщины, выполненный тонкими, круглящими линиями. Да, пожалуй, нос у нее тоже... так себе... Но портрет с нее действительно нарисован, и не каким-нибудь Иваном Петровичем Сидоровым, а человеком с потрясающим именем – Амедео Модильяни.

Иннин комплекс по поводу носа рухнул, и она тут же решила прояснить вопрос с цветом глаз:

– Жаль, что портрет черно-белый. Не видно, какого цвета у нее глаза.

– А какая разница? – опять очень удивился Димка.

– Как это какая? Ты только глянь на цвет моих глаз! Это же просто непристойность какая-то, а не цвет.

– Да ну... – не согласился Агеев и заглянул в самую глубину Иннинных глаз. У Самсоновой при этом мороз пробежал по коже, а Димка, пожав плечами, сказал: – Цвет как цвет... Зеленоватый... Что глупости придумываешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.